

Преступный характер сталинского режима: юридические основания. Лекция Никиты Петрова

By hro.org

Created 14/10/2010 - 15:22

Никита Петров, историк, общество "Мемориал": "Осудить Сталина персонально, по всей принятой законом форме уголовного процесса, теперь уже не удастся. По одной простой причине: он умер. Но, тем не менее, никто не мешает нам собрать и обобщить материал для осуждения сталинской системы как преступной. От правосудия Сталин ускользнул, но вот от суда истории и потомков - нет".

Никита Петров: Я благодарю организаторов сегодняшней лекции за любезное приглашение, за избранную тему для сообщения, которая, как сказал уже Борис, действительно чрезвычайно актуальна. Сейчас история вновь стала полем идеологических битв. Остроту вопросу добавляет и то обстоятельство, что Кремль всерьез взялся за унификацию понимания истории и всерьез пытается присвоить монополию на истину в исторической науке.

Сразу же оговорюсь, это, скорее, не лекция, а сообщение, попытка обобщить и проанализировать с правовой точки зрения факты сталинской репрессивной политики. Осудить Сталина персонально, по всей принятой законом форме уголовного процесса, теперь уже не удастся. По одной простой (кстати, оговоренной уголовным кодексом) причине: он умер. Но, тем не менее, никто не мешает нам собрать и обобщить материал для осуждения сталинской системы как преступной. А на основании собранных доказательств и самого Сталина считать, да и публично порицать как преступника. От правосудия Сталин ускользнул, но вот от суда истории и потомков - нет.

Сейчас чаще всего можно слышать такой аргумент. Дескать, как же можно судить и Сталина, и его систему по меркам сегодняшнего дня с применением сегодняшних законодательных норм и правил? Сразу же уточню. Мы будем анализировать совершенное Сталиным в рамках именно сталинского уголовного законодательства. И это будет своего рода мысленное допущение – или эксперимент, если хотите. То есть представим себе, что в 1953 году члены Президиума ЦК арестовали не только Берия, но и самого Сталина. Это, конечно, слишком фантастическое

предположение, но, с другой стороны, почему бы и нет? Не будем гадать, как это могло бы произойти. Просто представим себе, что Сталин вместе с Берией оказался в зале суда. Будучи обвинителями, что мы можем предъявить Сталину в качестве обвинения, какие статьи уголовного кодекса применим? Самое удивительное, на мой взгляд, то, что вполне будут «работать» те же статьи УК РСФСР, по которым был осужден Берия, плюс, может быть, и некоторые другие. Удивительно, но это, прежде всего, все та самая, особо ценяемая Сталиным, статья 58 в ее различных вариациях. В качестве дополнения обвинения по статьям 58-1а – «измена родине, т.е. действия совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР...», 58-1б – те же преступления, совершенные военнослужащим (Сталин с 1941 был таковым, являясь наркомом обороны), 58-8 – «совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций...», 58-11 – вышеуказанные действия, совершенные в составе группы; 58-14 – «контрреволюционный саботаж, т.е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата...». Для квалификации преступлений Сталина вполне применимы и другие статьи УК РСФСР [1]. Это: статья 59-1 – «преступление против порядка управления», в т.ч. «неповиновение законам», 136 – «умышленное убийство», в т.ч. по пункту «в» – совершенное «особо мучительным для убитого» способом, 193-17б – «злоупотребление властью при наличии особо отягчающих обстоятельств». По большинству этих статей помимо 10-летних сроков вполне могла быть в качестве меры наказания вынесена смертная казнь. А кроме того, можно вспомнить и о других статьях того же УК РСФСР (хотя здесь меры наказания были смехотворны) – о нарушении национального равноправия, незаконное лишение кого-либо свободы и т.п. преступления против порядка правосудия.

Политические перемены, произошедшие в нашей стране в августе 1991 г., когда рухнула власть КПСС, открыли доступ в ранее совершенно тайные архивы и сделали возможным сбор и анализ доказательств преступности советской системы. И это, прежде всего, – документы о «Большом терроре» 1937–1938 гг., документы о том, как Сталин и верхушка Политбюро организовали массовое уничтожение сотен тысяч людей. Даже в годы перестройки, когда, казалось бы, стали разоблачать преступления Сталина и работала специальная комиссия Политбюро, изучавшая историю репрессий, не были доступны ни эти документы, ни полная статистика репрессий. На сегодняшний день Международный фонд «Демократия» (фонд А.Н.Яковлева) опубликовал свыше 50 томов документов, и многие из них о советском терроре, ГУЛАГе, в том числе - и с приведением статистических выкладок о масштабах репрессий за весь советский период. О реализации зловещего [приказа НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г.](#) [8] о т.н. «кулацкой операции» – открывшего массовый террор – также издана отдельная книга с множеством документов («Вертикаль Большого террора»). Опубликовано довольно много материалов, которые показывают ход т.н. «национальных операций» (немецкой, польской, латышской, «харбинской» и др.) 1937-38 гг., тоже неотъемлемой части «Большого террора». Обществом «Мемориал» выпущен CD-диск, который называется [«Сталинские расстрельные списки»](#) [9], в котором сосредоточен материал о том, как Сталин и его ближайшее окружение, подменяя собой судебные органы, росчерком карандаша вершили суд и расправу. Одним словом, документальная база для нашего сегодняшнего разговора есть, она практически вся известна. И если мы зададимся вопросом – а чего мы еще не знаем о советских репрессиях, – уверяю

нас, не знаем мы разве что каких-то мелких деталей. В общем, по большому счету, нам известно все: начиная от директив, т.е. нормативно-распорядительной базы репрессий, и кончая реализацией и статистикой этих репрессий.

Борис Долгин: Прошу прощения, это – для сталинского периода?

Никита Петров: Разумеется, мы сегодня говорим исключительно о сталинском периоде. Борис совершенно прав, еще раз оговорюсь, что мы сейчас не затрагиваем ни ленинский, ни хрущевский период. Вернемся в 1991 год. Указы Б.Н.Ельцина о запрете деятельности КПСС и об архивах КПСС и КГБ создали предпосылки для состоявшегося в Конституционном суде рассмотрения т.н. «дела КПСС». По существу, это не был процесс, направленный специально на рассмотрение преступлений советского режима. Рассмотрению подлежал иск Компартии РСФСР о неконституционности указа Ельцина о запрете деятельности КПСС и КПРФ, а представители президентской стороны выступили со встречным иском о признании КПСС неконституционной организацией. Иски были объединены, и рассмотрение дела началось в июле 1992 г. Аргументация противников указа Ельцина была проста, как песня: КПСС является общественной организацией, поэтому для того, чтобы ее упразднить, нужно, в конце концов, судебное решение, например, Верховного суда, а всякие указы президента по этому поводу – «филькина грамота». И я, и мои ближайшие коллеги по «Мемориалу» – Арсений Рогинский, Никита Охотин, а также, в соавторстве с нами, Сергей Мироненко (ныне директор ГАРФ) подготовили по поручению Конституционного суда экспертное заключение, приложив к нему множество архивных документов свидетельствующих о многочисленных преступлениях правящей в СССР коммунистической партии (от Ленина до Горбачева) и преступлениях, совершенных непосредственно Сталиным. Вывод, который был нами представлен суду, был таков: КПСС не была общественной организацией, а являлась особым механизмом власти, и в своей деятельности грубо нарушала конституционные нормы, подменяя собой исполнительную, законодательную и судебную власти. На каждый из этих пунктов у нас, естественно, имелась обширная доказательная база.

Увы, Конституционный суд не ставил перед собой задачу определить, было ли всевластие КПСС преступным. Но, тем не менее, в судебном решении, принятом 30 ноября 1992 г., была подтверждена правота Ельцина, закрывшего компартию, и четко констатировано: «В стране в течение длительного времени господствовал режим неограниченной, опирающейся на насилие власти узкой группы коммунистических функционеров, объединенных в Политбюро ЦК КПСС во главе с генеральным секретарем ЦК КПСС».

Итак, вполне четкая, притом закрепленная в судебном порядке, характеристика насильственного характера власти КПСС. В полной мере это относится и к сталинскому периоду правления. А в какой степени это соответствовало основному закону страны – Конституции? Здесь и определяется главный изъян и «родовая травма» Советской власти: она никогда не говорила того, что делала, и никогда не делала того, о чем говорила. Это, к сожалению, не изжито до конца и нашей сегодняшней властью.

Была у коммунистического режима замечательная «вывеска», «витрина» советского строя – это т.н. «Сталинская Конституция», принятая 5 декабря 1936 года. Я позволю себе напомнить некоторые ее важнейшие статьи.

Что же гарантировала эта новая конституция? Начнем с важнейшего – с прав личности. Статья 127: «гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора»; статья 128: «неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняется законом»; статьей 125 гарантировались свобода слова, свобода печати и свобода собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций. Ряд статей был посвящен основам государственного устройства. В статье 30 говорилось: «Высшим органом государственной власти СССР является Верховный Совет СССР»; в статье 32 четко указывалось: «Законодательная власть СССР осуществляется исключительно Верховным Советом СССР». Выделим здесь также блок статей о принципах отправления правосудия. В статье 102 говорилось: «Правосудие в СССР осуществляется Верховным Судом СССР, Верховными Судами союзных республик, краевыми и областными судами, судами автономных областей, окружными судами, специальными судами СССР, создаваемыми по постановлению Верховного Совета СССР, народными судами». Сразу отметим, что в этой статье нет места никаким внесудебным органам. Специальные суды, создаваемые по постановлению Верховного Совета – о них чуть позже, это военные трибуналы, Военная Коллегия Верховного Суда и линейные суды на железнодорожном и водном транспорте. Этот список исчерпывающ, он дан в «Законе о судостроительстве» принятом 16 августа 1938 года. Но и до принятия этого закона только эти суды упоминались в качестве «специальных» в законе о судостроительстве РСФСР от 1922 года. Одним словом, вы сами понимаете, что в этой твердой и четкой законодательной базе нет места внесудебным органам, нет места произволу ОГПУ и его преемника – НКВД. Но вернемся к Конституции. В статье 111 говорилось: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту», а статья 112 указывала: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Были и другие важные с точки зрения гарантий прав граждан статьи, о которых следует упомянуть. Статья 123 гарантировала равноправие граждан: «Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы...», и предупреждала, что «какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав» или установление «прямых или косвенных преимуществ» в зависимости от расовой или национальной принадлежности «карается законом». Забегая вперед, ну как тут не вспомнить о депортации по воле Сталина целых народов, которые были лишены своих законных прав именно по национальному признаку.

Ну что тут сказать. Конституция 1936 года давала гражданам самые широкие права, включая всеобщее право тайных выборов, неприкосновенность депутатам Верховного Совета СССР и, казалось бы, должна была служить гарантией от произвола. И в нынешнем и в традиционном понимании Конституция и есть основной и верховенствующий над остальными законами государственный акт. Все остальные законы, правовые акты и нормативные документы должны соответствовать статьям Конституции. В противном случае – противоречащие Конституции законы и нормативы не должны действовать, и подлежат отмене или приведению в соответствие с Конституцией.

А что происходило на самом деле? Как было устроено официальное судопроизводство 20-х – 30-х, более или менее понятно. А вот практиковавшаяся расправа с лицами, неудобными большевистскому режиму происходила, как раз, в обход этих законов. Действовали внесудебные органы: Коллегия ВЧК–ОГПУ, Особое совещание при ОГПУ (с 1924 г.), тройки Полпредств ОГПУ – все они выносили решения лишь на основании оформленного в органах госбезопасности следственного дела заочно (без присутствия обвиняемого). То есть – ни судебного разбирательства с обязательной состязательностью сторон, ни возможности для обвиняемого защищаться, приводить свои доводы в суде, другими словами, ничего похожего на справедливое и беспристрастное решение дела. Сталин и правящая верхушка широко использовали органы государственной безопасности в качестве инструмента расправы. Причем, Коллегия ОГПУ и тройки Полпредств ОГПУ имели полномочия выносить смертные приговоры.

Посмотрим на статистику репрессий в эти годы. В период 1921–1936 гг. по делам, подготовленным в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД, было приговорено около 1,5 миллионов человек, из них приговорено Коллегией ОГПУ 63 тысячи (4%), Особым совещанием ОГПУ – 245 тысяч (15%), тройками Полпредств ОГПУ – 712 тысяч (44,5%). То есть подавляющее большинство людей, которые были осуждены как «враги государства», как «враги советского строя», не были осуждены легальными законными юридическими органами. Здесь явно видны нарушения и конституционных основ и закона о судостроительстве. Органы госбезопасности (за которыми стояла правящая компартия) попросту подменяли собой правосудие. Теоретиком такого использования госбезопасности был, разумеется, сам Сталин. Так же, как и Ленин, он уделял повышенное внимание органам ВЧК–ОГПУ (с 1934 г. – НКВД). Совмещение функций арестов, дознания и расправы в одном органе получило своеобразное сталинское теоретическое обоснование и объяснение: «военно-политический трибунал» [2]. Масштабы арестов, проведенных на рубеже 30-х годов, имеют, помимо прочего, одно вполне определенное объяснение. В 1929 г. окончательно утвердился основной принцип советской карательной политики – использование принудительного труда заключенных для нужд экономики и освоения труднодоступных окраин страны. Было организовано Главное управление лагерей (ГУЛАГ), ставшее символом сталинской тирании.

В последующие годы «Большого террора» внесудебные органы расправы играют главенствующую роль. В 1937-1938 гг. 1 миллион 300 тысяч человек были приговорены по политическим мотивам (из них около 700 тысяч расстреляны). Из общего числа 1 миллион 300 тысяч приговоренных – 1 миллион 200 тысяч (82%) были приговорены внесудебными органами: тройками НКВД–УНКВД и Комиссией НКВД и Прокурора СССР (т.н. «альбомный порядок» когда списки приговариваемых в виде альбома, присланного с периферии, утверждала «двойка» – нарком внутр. дел или его зам. и Прокурор СССР или его зам.). Но и с окончанием «Большого террора» внесудебные органы, хоть и теряют свою основную роль в проведении репрессий, все же активно используются Сталиным как дополнительный и притом важный инструмент. С 1939 по 1953 год из 1 миллиона 100 тысяч осужденных по делам, проведенным НКВД–НКГБ и МГБ, – 329 тысяч человек (около 30%) были осуждены Особым совещанием НКВД, (а с 1946 г. – Особым совещанием МГБ). После окончания «Большого террора» единственным внесудебным инструментом в руках НКВД осталось Особое совещание. С ноября 1941 оно могло выносить и смертные приговоры.

Возникает следующий вопрос: а хорошо ли обстояло дело с судебными органами, с теми, что существовали в рамках Конституции. Увы, и тут мы видим ряд грубейших нарушений и искажений закона. Достаточно вспомнить о принятом 1 декабря 1934 г. законе, который лишал обвиняемых не только права на защиту, но даже права подать ходатайство о помиловании и кассационную жалобу. Этот закон предусматривал рассмотрение дел в Военной Коллегии Верховного Суда в т.н. упрощенном порядке: при закрытых дверях и без участия сторон (в отсутствие обвинителя и защитников) и моментальное (в 24 часа) исполнение смертного приговора после его вынесения. Именно с применением этого закона и были рассмотрены все дела, поступившие в Военную Коллегию в 1937-1938 гг. – было осуждено около 37 тысяч человек, из них 25 тысяч – к расстрелу. Подобный порядок был преступным попранием норм Конституции (ст. 111) о гласности судопроизводства и права обвиняемого на защиту и обжалование в кассационном порядке приговора. Рассмотрение дел Военной Коллегией в «упрощенном порядке» по закону от 1 декабря 1934 года (который отменили только в 1956 году) мы с трудом можем назвать очным судебным процессом. Нет, конечно, обвиняемый в зале присутствовал, то есть по форме вроде все в порядке. Но какова процедура! Чаще всего рассмотрение дела длилось не более 20 минут, председательствующий Военной Коллегии или ее выездной сессии коротко опрашивал обвиняемого, в зале не было не только защитников, но даже и прокурора – в нем не было никакой необходимости. Председательствующий выслушивал, какие есть у подсудимого возражения, а дальше сообщал: суд удаляется на совещание, а приговор вам будет объявлен. Причем, приговор, если он был расстрельным, подсудимому сразу после окончания рассмотрения дела не объявлялся. Его объявляли непосредственно перед приведением приговора в исполнение. Подобную процедуру назвать «судебной» язык не поворачивается. Это был изощренный сталинский метод быстрой расправы.

В 1938 году (16 августа) был принят «Закон о судостроительстве». Закон, между прочим, напрямую ссылался на нормы Конституции (ст. 102), относительно того, кто и как может быть осужден в судах. Статья 1-я этого закона, соответственно, гласила: «В соответствии со 102 статьей Конституции, правосудие в СССР осуществляется верховными судами...» - и далее дословно повторялся текст той самой статьи Конституции. И, наконец, статья 53-я закона о судостроительстве конкретизировала, на основании 102-й статьи Конституции, перечень специальных судов, которые организуются по постановлению Президиума Верховного Совета или Верховным Советом СССР. Это – Военные трибуналы, линейные суды на железнодорожном и водном транспорте. Таким образом, и «упрощенная процедура» рассмотрения дел на Военной Коллегии, и все внесудебные органы были антиконституционны и преступны по своей природе, а учредили их после соответствующих решений Политбюро и Сталина, что автоматически ставит и Сталина, и его окружение в ряд преступников.

Особый вопрос – процесс реабилитации жертв политических репрессий, начавшийся после смерти Сталина. Реабилитация высветила одну большую проблему: подавляющее большинство осужденных и расстрелянных при Сталине людей ни в чем не виновны. Но как пересматривать дела тех, кто был приговорен во внесудебном порядке? Ведь наряду с невиновными во внесудебном порядке были осуждены и те, кто действительно совершил преступление и, безусловно, виновен (хотя их, повторюсь, мизерная доля среди приговоренных). Тогда, в 50-е годы, было

принято решение о пересмотре дел приговоренных во внесудебном порядке – в судебных органах. И после этого пересмотра решения Коллегии ОГПУ, Особого совещания, «троек» и «двоек» по отдельным делам были оставлены в силе. Казалось бы, точку в этом вопросе должен был поставить Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года. Пункт первый Указа гласил: «Осудить внесудебные массовые репрессии периода сталинизма, признать антиконституционными действовавшие в 30-40-х и в начале 50-х годов «тройки» НКВД-УНКВД, коллегии ОГПУ и «особые совещания» НКВД-МГБ-МВД СССР и отменить вынесенные ими внесудебные решения, не отмененные к моменту издания настоящего Указа...». Однако тут же содержалась оговорка о том, что это не распространяется на «изменников Родины и карателей периода Великой Отечественной войны, нацистских преступников, участников бандформирований и их пособников, работников занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших умышленные убийства и другие уголовные преступления».

Подобная оговорка, конечно, по идеологическим причинам, по сути узаконила ряд решений антиконституционных внесудебных органов. Понятно, что даже в перестроечном 1989 году еще действовали старые представления об «изменниках» и «шпионах». Но еще хуже то, что и сегодня правовая система России испытывает тяжесть все той же советской псевдогосударственной идеологии и находится в плену все тех же замшелых схем. На мой взгляд, просто позор, что до сих пор чохом не отменены все без исключения решения внесудебных органов именно как противоречащие Конституции.

Теперь рассмотрим реестр сталинских преступлений. Конечно, далеко не полный, так как рассмотреть все без исключения – не хватит времени. Здесь поговорим об отдельных репрессивных кампаниях и об известных актах индивидуального террора. Когда решение об убийствах принимал непосредственно Сталин. Прежде всего, это массовые аресты и расстрелы по т.н. «кулацкой операции» НКВД. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г., скрепленное подписью Сталина, положило начало первой т.н. «массовой операции» НКВД по арестам и расстрелам т.н. «кулацких», «антисоветских» и прочих «враждебных элементов» [3]. Регионам было предписано заранее наметить квоты на будущие внесудебные приговоры к расстрелу (1 категория) и к заключению в лагерь (2 категория), предложить составы «троек» для вынесения приговоров. И квоты по регионам, и состав «троек» подлежали утверждению на Политбюро. Всего в рамках этой «массовой операции» до ноября 1938 г. было арестовано 767 397 человек, и из них 386 798 человек было расстреляно. Организаторами этой массовой бойни были Сталин и Политбюро. Они утвердили контрольные цифры, отражающие количество людей, подлежащих расстрелу в данном регионе, и утвердили состав региональных «троек». Все это было внесено в приказ. И утвержденный Политбюро приказ НКВД №00447 вышел 30 июля, операция началась 5 августа 1937 года [4]. Результаты я вам уже сказал.

Борис Долгин: Прошу прощения, квоты – это и есть те самые контрольные цифры?

Никита Петров: Да, это и есть те самые квоты или «лимиты», как их еще называли...

Евгений Тесленко: Существуют ли официальные документы, подтверждающие наличие таких региональных квот? Что вот столько-то должно быть расстреляно в данном регионе?

Никита Петров: Да, безусловно. Есть множество таких документов. Более того, когда операция началась, регионы выступили с инициативой, что аресты проведены в рамках указанных квот (или «лимитов»), но всех врагов еще не схватили – их оказалось больше. И просили увеличивать соответствующие «лимиты». На этих шифротелеграммах, которые хранятся в архиве, есть собственноручные резолюции Сталина. Обычно простое и лаконичное «За. И.Сталин». Но были примеры и развернутых резолюций. Например, на шифровке из Кирова от 21 октября 1937 г. видим резолюцию: «Утвердить по первой категории не на 300, а на 500 человек, а по второй категории – на 800 человек. И.Сталин, В.Молотов» [5] Или на шифровке от 20 октября 1937 г. из Улан-Удэ: «За 1000 чел. по первой категории. И.Сталин, В.Молотов, Каганович, К.Ворошилов, А.Микоян, Ежов» и приписка «т. Калинин – за, т. Андреев – за» [6]. На шифровке из Барнаула от 18 октября 1937 г. с просьбой установить для вновь образованного края «лимиты» на расстрелы и осуждение видим также сталинскую резолюцию: «За лимит в 4000 по первой и в 4500 по второй категории. И.Сталин, В.Молотов» [7], далее подписи Ежова, Ворошилова и помета «т. Микоян – за». Часть лимитов была утверждена исходящими шифротелеграммами наркома внутренних дел Ежова. Электронная публикация подлинников этих документов подготовлена, и, я надеюсь, Международный фонд «Демократия» (фонд А.Н.Яковлева) выложит их в Интернете для всеобщего обозрения с нашими комментариями. И будет абсолютно ясно, как это, собственно говоря, осуществлялось. Как работал этот механизм. Анализируя весь комплекс этих документов, можно считать доказанным, что Сталин был не только инициатором проведения данной кампании, но и санкционировал конкретные расстрелы, увеличение «лимитов» на расстрелы, и, соответственно, контролировал весь ход операции. В действиях Сталина – и подмена правосудия, и присвоение властных функций государственных структур, то есть нарушение отмеченных выше статей Конституции.

Тот же вывод мы можем сделать и анализируя массовые репрессии, начатые также в июле 1937 г. по национальному признаку, в рамках так называемых «национальных операций» НКВД. Это немецкая, польская, «харбинская», латышская, эстонская, финская, афганская, иранская и пр. операции НКВД. Из приказов и меморандумов НКВД видно, что тень подозрения легла на политэмигрантов, выходцев из сопредельных СССР стран и граждан СССР, с ними так или иначе связанных. С точки зрения Сталина и НКВД, все эти люди могли стать потенциальной шпионской базой. «Харбинцы», конечно, – не национальность; это те, кто переехал в СССР после конфликта на КВЖД в 1929 году и позднее с территории Китая – их подозревали в связях с японской разведкой. И здесь, в «национальных операциях», инициатива принадлежала Сталину. Первым было решение о проведении «немецкой операции», и подлинник его исполнен рукой Сталина:

«Вопрос НКВД.

Предложить т. Ежову дать немедля приказ по органам НКВД об аресте всех немцев, работающих на оборонных заводах (артиллерийские, снарядные, винтовочно-пулеметные, патронные, пороховые и т.п.) и высылке части арестованных за границу.

Копию приказа прислать в ЦК.

О ходе арестов и количестве арестуемых сообщать сводки (ежедневные) в ЦК.

За. И.Сталин» [8]

Конечно, эта операция вскоре переросла в репрессии не только всех немцев, но и всех тех, кто был с этими немцами связан. Точно так же Политбюро санкционировало в начале августа т.н. «польскую операцию». Далее шли «харбинская», латышская, эстонская операции, словом, массовые репрессии затронули представителей всех тех национальностей, с которыми граничил Советский Союз. Не было лишь «литовской операции» – литовцев арестовывали в рамках «польской операции», но на это есть объяснение – Литва с Советским Союзом не граничила. Больше всего пострадало людей в ходе «польской» и «немецкой» операций. Наряду с т.н. «кулацкой операцией» в рамках приказа НКВД № 00447 эти операции органично влились в общую структуру «Большого террора». В рамках т.н. национальных операций было арестовано 350 тысяч человек, из них 250 тысяч расстреляно. Заметим, что если по «кулацкой операции» процент расстрелов от числа приговоренных составляет примерно 50%, то по национальным решениям были гораздо жестче: здесь 70-80% были расстреляны. К ним отношение было не как к «классовым врагам», а как к шпионам, как к шпионской базе.

Ну и, наконец, нельзя не вспомнить о «сталинских расстрельных списках». Это тоже был своеобразный механизм «Большого террора». Здесь также наглядно видно, как Сталин своими решениями подменял правосудие. Начиная с 27 февраля 1937 года, Сталиным лично, а кроме него – еще несколькими приближенными к нему лицами, визируются и подписываются списки людей, чьи дела подлежали рассмотрению Военной Коллегии Верховного Суда. Каждый список был разбит на категории: 1-я категория – расстрел, 2-я – 10 лет, 3-я (довольно редкая) – 8 лет. Кто из вас интересовался, знают, что эти списки в полном объеме есть на интернет-сайте общества «Мемориал» – www.memo.ru [10]. Причем титульные страницы представлены цветной фотокопией, так как здесь стоят подписи Сталина и его ближайших соратников. А в некоторых случаях и содержательные пометы, например на списке от июля 1938 г.: «За расстрел всех 138 человек. И.Сталин, В.Молотов» или сталинские пометы в самих списках напротив фамилий, например «бить, бить» и т.п. Всего за период с февраля 1937 по октябрь 1938 г. Сталиным и его соратниками было утверждено 383 таких списка, в которых значилось 44,5 тысячи человек, и примерно на 39 тысяч из них была дана санкция на расстрел. Интересно, кто из сталинского окружения и сколько подписал списков. «Рекордсменом» оказался Молотов – он подписал 373 списка, Сталин – 362 списка, Ворошилов – 195, Каганович – 191, Жданов – 177, Ежов – 8, Микоян – 8, и Косиор – 5 списков. После утверждения списков и предрешения меры наказания рассмотрение дел Военной Коллегией было пустой формальностью, и оно, как правило, принималось в полном

соответствии с той мерой наказания, которая была определена списком. В данном случае Сталин предрешал решения Верховного Суда, и, по сути, являлся автором смертных приговоров. Но и этого мало. Есть в этих расстрельных списках еще одна, крайне любопытная категория осужденных. Это высший состав чекистов. Состав НКВД Сталин стал так же яростно «чистил», как и все остальные слои советского общества. И вот чекисты расстреливались по этим спискам в т.н. «особом порядке». То есть в Военную Коллегию эти списки не поступали. Сразу после утверждения Сталиным и его соратниками эти списки направлялись НКВД для исполнения, и сразу следовали расстрелы этих людей. По сути, для нескольких сотен человек (мы проводили такую статистику и выяснили, что в «особом порядке» было осуждено нескольких сотен человек), решение о расстреле без какой-либо формальной судебной процедуры было вынесено Сталиным – и с точки зрения уголовного кодекса (и того, и нынешнего) это квалифицируется как убийство. Следы этого преступления можно видеть в архивно-следственных делах людей, расстрелянных в «особом порядке». Вместо приговора суда там просто подшита выписка из соответствующего «расстрельного списка» – указано: список номер такой-то, страница такая-то, лист такой-то. Вот и все основание для расстрела.

Сталинский террор в том же 1937 году перешагнул границы СССР. Согласно сталинским директивам были произведены массовые расстрелы граждан Монголии. Причем сталинское Политбюро даже утвердило состав «тройки» по Монголии, в которую входил ее руководитель Чойбалсан. Эта «тройка» рассмотрела дела на 25 тысяч человек, граждан Монголии, из которых около 20 тысяч было расстреляно. Еще один немаловажный аспект «Большого террора» – это репрессии против членов семей осужденных за измену родине. И здесь мы видим грубейшие нарушения законодательства, когда людей без конкретной вины осуждали только за то, что они члены семьи осужденного или сбежавшего за границу. Норма (своего рода заложничество в назидание другим), карающая родственников тех, кто не вернулся из-за границы, была введена указом ЦИК от 8 июня 1934 г. В 1937 году Сталин эту практику существенно расширил и распространил на тех, кто был осужден Военной Коллегией. Теперь жены осужденных за измену родине подлежали аресту и осуждению (как правило, на Особом совещании НКВД), а дети до 15 лет сдавались в детприемники НКВД. Решение об этом было принято Политбюро 5 июля 1937 года и подписано Сталиным. Более того, в подлиннике текста этого постановления есть собственноручная сталинская правка. Он дополнил первый пункт постановления о заключении в лагеря на 5 лет всех жен осужденных членов т.н. «право-троцкистской шпионско-диверсионной организации», вписав «изменников родине», изменил срок осуждения вместо 5 на 5–8 лет, а в пункт четвертый, где было: «Всех оставшихся после осуждения детей-сирот взять на государственное обеспечение» – внес уточнение «до пятнадцатилетнего возраста» и дополнил фразой «что же касается детей старше 15-летнего возраста, то о них решать вопрос индивидуально» [\[9\]](#). Поражает другое. В Политбюро, вырабатывая решение, уже заранее знают, что дети станут сиротами. Это тоже типичный сталинский почерк. Проводим репрессии, значит, знаем, что дети непременно будут сиротами.

Голос из зала: Юмор своего рода.

Никита Петров: Да, почти юмор. Черный.

Согласно этому решению и выпущенному на его основе приказу НКВД, было репрессировано 18 тысяч жен, и 25 тысяч детей были помещены в детприемники НКВД. Жены осужденных в рамках т.н. «кулацкой» и всех национальных операций, за исключением «польской» (тут короткое время осенью 1937 г. жен тоже репрессировали), репрессиям не подвергались. То есть семьи лиц, осужденных в ходе массовых операций НКВД, оставались, как правило, на свободе, а вот для тех, кто прошел по «сталинским расстрельным спискам», мера репрессий была гораздо круче – члены семьи шли вслед за главами семей, и не только получали тюремные и лагерные сроки, а иногда и высшую меру. По решению Сталина были расстреляны жены Тухачевского, Дыбенко, Агранова, Артузова, Ягоды и многие другие.

Еще одно преступление Сталина против правосудия – санкция о применении НКВД в ходе следствия т.н. «мер физического воздействия» – т.е. пыток и истязаний. Телеграмма об этом подписана лично Сталиным 10 февраля 1939 года – это то, что найдено в архиве. Но порядок применения мер физического воздействия был санкционирован им еще в 1937 г. Об этом имеется ссылка в упомянутой выше телеграмме. И в более поздние годы Сталин также давал указания о применении пыток. Например, в ходе следствия по т.н. «делу врачей» в 1952-1953 годах. О том, что Сталин лично не просто курировал деятельность органов МГБ, а давал непосредственные указания и распоряжения, как вести следствие, как добиваться признаний арестованных – кого-то «заковать в кандалы», а такого-то «бить и бить» – свидетельствуют не только его пометы на расстрельных списках, но и отчет С.Д.Игнатьева в ноябре 1952 года (см. публикацию в «Новой газете» 16 октября 2008: [ч. 1](#) ^[11], [ч. 2](#) ^[12]), где четко сказано о выполнении именно указания Сталина о применении физического воздействия к арестованным по «делу врачей».

Борис Долгин: Министр госбезопасности?

Никита Петров: Да, Игнатьев был министром госбезопасности в 1952 году.

До сих пор мы говорили о преступлениях Сталина против правосудия. Не менее тяжкими являются и совершенные им преступные акции против отдельных наций. Здесь явственно просматривается нарушение статьи Конституции, гарантировавшей национальное равноправие. Здесь и выселение отдельных представителей народов по классово-имущественному признаку, и тотальное выселение целых народов. Можно вспомнить выселение польских граждан с территории западной Украины и Белоруссии в 1939-1940 годах, выселение граждан Прибалтики и Молдавии в мае-июне 1941 года. Напомню, что выселялись не только те, кто были чиновниками бывших буржуазных правительств в Латвии, Эстонии или администрации Румынии на территории Бессарабии, занятой СССР, но и более или менее зажиточный контингент, члены всевозможных полувоенных патриотических формирований, не успевшие уйти в подполье, и деклассированный элемент (в том числе и проститутки). Такой вот абсолютно классовый и социально мотивированный подход. Наконец, это ряд акций выселения в годы войны, которые были предприняты в отношении немцев, калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, крымских татар и других народов. Тотальное выселение с ликвидацией государственности – соответствующих автономий. И в послевоенное время выселение из Прибалтики и Молдавии 1949 года, т.н. операция «Юг» и операция

«Прибой» – очень поэтические и красивые названия. «Прибой» – выселение из стран Балтии, «Юг» – из Молдавии. И там, и там по классовому признаку были выселены зажиточные крестьяне, которых считали кулаками, хуторяне, не желающие объединяться в колхозы, те, кто поддерживал национальное сопротивление, т.н. «Лесных братьев», и многие другие.

Нельзя не вспомнить и массовом расстреле польских офицеров и гражданских лиц по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года (т.н. «Катынское дело»). Персональная виновность Сталина в этом преступлении очевидна, есть его подпись на постановочной записке НКВД, подготовленной Берией, есть и материалы о реализации этого решения – о расстрелах. Весной 1940 года органами НКВД было расстреляно 21 787 польских граждан, из них около 15 000 тех, кого считали военнопленными, т.е. задержанными офицерами польской армии. Здесь тоже наблюдается классовый подход – именно офицеров расстреливали, верхушку армии Польши. Это деяние Сталина и его окружения было не только попранием советских законов (дела поляков для вынесения приговора пропустили через специально созданный по этому случаю внесудебный орган – тройку НКВД СССР), но и преступным нарушением международного права. Нарушением правил и обычаев ведения войны, нарушением Конвенции об обращении с военнопленными. Обращение с военнопленными регулировалось IV Гаагской конвенцией 1907 года и III Женевской конвенцией 29 года.

Борис Долгин: Советский Союз признавал эти конвенции?

Никита Петров: Да, безусловно, и соответствующие обязательства у Советского Союза были.

О «Катынском расстреле» можно говорить очень много – это до сих пор болевая точка в отношениях России и Польши. И проблема тут вот в чем. Главная военная прокуратура начала расследование в 1990 году, а закрыто следствие было лишь в 2004 – за смертью виновных в этом расстреле. Но главный и итоговый документ этого расследования – постановление о прекращении дела – тут же засекретили. Получается не только парадоксальная, но и абсурдная ситуация: вот мы все тут сидящие налогоплательщики, финансирующие деятельность российского госаппарата, и в том числе - Главной военной прокуратуры, которая проводит расследования на наши с вами финансовые вливания (может быть, каждый из нас им немного денег платит, может быть, им хватает только на мундир и пуговицы и на письменные принадлежности, но тем не менее – а то бы голыми ходили). Так вот Главная военная прокуратура расследует это дело и не считает даже нужным сообщить официальные результаты нам, гражданам России. Это, кстати, является грубейшим нарушением закона 1993 года «О государственной тайне». Согласно статье 7-й этого закона, сведения о фактах нарушения прав и свобод человека и гражданина, о преступлениях, а уж тем более – о массовых репрессиях не могут составлять государственную тайну. Тем не менее, прокуратура до сих пор отказывается рассекречивать это дело в суде. Более того, на защиту прокуратуры активно становится Кремль, который всячески пытается погасить разговоры о Катыни как крайне неприятные для себя. Я понимаю, чего опасается Кремль – он опасается, что будут предъявлены претензии и будут выдвинуты материальные иски, но я не

понимаю других, еще худших действий Главной военной прокуратуры. Она просто отказывается рассматривать вопрос о реабилитации лиц, расстрелянных в рамках «Катынского дела». «Мемориал» сейчас проиграл 25 дел в судах по рассмотрению вопроса о реабилитации расстрелянных органами НКВД поляков. Прокуратура просто заявляет, что «у нас нет материалов». Все. И в суде продолжает отстаивать эту позицию. Понятно, что дела на каждого из них физически были уничтожены. 21 000 дел было сожжено в 1959 году. Но, тем не менее, материалы, подтверждающие тот факт, что этот конкретный человек был отправлен в распоряжение УНКВД в Смоленск, в Калинин или Харьков (поименные списки), есть, и они служат достаточным доказательством того, что эти люди были расстреляны. Это вполне очевидно и доказано той же Главной военной прокуратурой. После весны 1940 года никого из них (поименованных в этих списках) никто не видел, и никаких от них вестей родные с этого времени не получали. И когда сегодня кое-кто утверждает, дескать, в «Катынском деле» не все так гладко (вы наверняка слышали подобные утверждения), дескать, возможно, это немцы их расстреливали, звучит это крайне наивно. Те, кто пытается таким образом бросить тень на четкий и ясный вывод относительно того, кто расстрелял, не могут внятно объяснить, где все эти 15 000 польских офицеров находились с мая 1940 по осень 1941 года. Внятного объяснения нет, и не будет, потому что их уже не было в живых. Ни один из них никуда не сбежал, ни один из них не подал ни одной весточки на родину, ни один из них не числился ни в одном лагере, ни в одной тюрьме. Практически вся тюремно-лагерная документация за данный период доступна и находится в Государственном архиве Российской Федерации. Ну, это я все рассказываю так – к слову. Как говорится, продолжая старую полемику.

Еще одно преступление Сталина – массовые расстрелы заключенных осенью 1941 года – в Орловской тюрьме и в Куйбышеве. В чем заключался преступный характер этой акции? В сентябре 1941 г. были просто расстреляны все отбывающие наказание в Орловской тюрьме заключенные по постановлению Государственного комитета обороны. Без дополнительного расследования дел, без дополнительных решений – просто росчерком пера Сталина. Было время для эвакуации заключенных из Орла, никто не позаботился об этом в июле или августе, пока немцы были далеко. Мы знаем много примеров, когда следственные заключенные были эвакуированы из тюрем Западной Украины и Западной Белоруссии. Их успели эвакуировать. Во Львове действительно был массовый расстрел, который учинили органы НКВД буквально перед занятием города немецкими войсками. И немцы, естественно, использовали и это советское преступление, и открывшийся в 1943 г. «Катынский расстрел» в своей пропаганде – это совершенно понятно. Ну и, наконец, поговорим о политических убийствах, совершенных чекистами по непосредственным указаниям Сталина. То есть о том, что прямо квалифицируется уголовным кодексом как убийство и терроризм. Известно, что по указаниям Сталина советской госбезопасностью был убит Троцкий (в Мексике), был убит лидер украинских националистов Коновалец (в Нидерландах), был убит перебежчик Агабеков (во Франции), был убит Рудольф Клемент (во Франции), который входил в т.н. IV Троцкистский Интернационал, был убит перебежчик из НКВД Игнатий Порецкий-Рейсс (в Швейцарии), в Париже были похищены два белых генерала – Миллер и Кутепов (Кутепов погиб при перевозке, а Миллера расстреляли в Москве в 1939), был убит и человек, который помогал похищать Миллера, работавший на НКВД генерал Скоблин. Даже этого тайного агента советской госбезопасности Сталин распорядился убрать, чтобы замести следы и не тратить усилия разведки на его спасение. Документ об этом сталинском указании был опубликован [\[10\]](#).

Но не только за границей. И на территории СССР, где должны были действовать законы, Сталин, тем не менее, прибегал к методам тайных ликвидаций неугодных ему лиц. В 1941 г. Сталин дал указание создать в госбезопасности специальное подразделение для негласной расправы с политическими противниками. И этому есть вполне надежное подтверждение. В мае 1941 года Берия вызвал Павла Судоплатова и сообщил ему об этом. Вот что рассказал Судоплатов на следствии в 1953 г.: «Примерно в мае месяце 1941 г. Берия вызвал меня и сказал следующее: имеется указание инстанции об организации специальной группы из проверенных, надежных и преданных партии чекистов с задачей выполнения правительственных заданий (специальных) как за границей, так и внутри страны», при этом Судоплатов пояснил, что под «специальными заданиями» подразумевалось уничтожение людей и вспомнил, что для его группы выделили загородный объект «Озеры» [11]. Конечно, помимо убийств, специальная группа могла использовать и иные, менее радикальные меры воздействия. Довольно откровенно причины и смысл этой задачи Берия объяснял чекисту Шалве Церетели (намечаемому на работу в эту группу): «...у нас в Советском Союзе есть люди, которые мешают нам работать, а материалов для ареста этих лиц или вовсе нет, или недостаточно. Поэтому нужно таких людей похищать, тайно избивать их и затем бросать» [12].

В послевоенное время тайные убийства на территории СССР продолжались. П.А.Судоплатов и его заместитель Н.И.Эйтингон, возглавлявшие специальное подразделение МГБ – службу «ДР» для проведения диверсий и актов террора, подготовили и провели следующие акции. В июне 1946 г. в Ульяновске был убит польский инженер Н.Т.Самет, работавший по военной тематике и захотевший выехать в Польшу. Санкцию на его убийство министр госбезопасности Абакумов получил от Сталина 12 июня, а о выполнении «задания» доложил Сталину 26 июня 1946 г. В поезде близ города Кирсанова в сентябре 1946 г. был убит бывший крупный деятель украинского эсеровского движения А.Я.Шумский, который находился в ссылке и досаждал Сталину своими письмами. Санкцию на его тайное убийство Абакумов запросил у Сталина 23 августа 1946 г. Летом 1947 г. в тюрьме был убит американец И.М.Оггинс, бывший советский агент, осужденный Особым совещанием еще до войны, которому пришло время выйти на свободу. Санкцию на его убийство Абакумов запросил у Сталина и Молотова 21 мая 1947 г. План убийства Оггинса с помощью инъекции яда был составлен Эйтингоном 30 июля 1947 г. И, наконец, четвертый задокументированный случай – убийство 1 ноября 1947 г. епископа греко-католической церкви в Ужгороде Федора Ромжи. План убийства был составлен еще в феврале 1947 г. министром госбезопасности УССР С.Р.Савченко. Нападение на Ромжу 27 октября 1947 г. осуществили люди Судоплатова – сбив его конную повозку грузовиком. Ромжа попал с тяжелыми ранениями в больницу, где и был умерщвлен инъекцией яда. Во всех этих убийствах решающую роль сыграл полковник медицинской службы Майрановский – именно он делал смертельные инъекции и возглавлял в системе НКВД – МГБ специальную лабораторию «Х», в которой испытывались яды на приговоренных к смерти заключенных. Указание о создании такой лаборатории Берия получил непосредственно от Сталина в 1939 г. Эта лаборатория действовала вплоть до 1947 г. (в годы войны она находилась в ведении возглавляемого Судоплатовым и Эйтингоном 4-го управления). Всего, если судить по материалам лаборатории, в ней было убито с помощью различных инъекций около 150 человек. Это, по сути, было убийством людей особо мучительным способом. И санкционировал эти человеконенавистнические «опыты» сам Сталин – дав указание о создании такой лаборатории в НКВД.

Ну и, наконец, это убийство в январе 1948 г. в Минске руководителя Государственного еврейского театра Михоэлса. План этой акции Сталин лично обсуждал с Абакумовым по телефону и сам предлагал кандидатуры чекистов, кого следовало послать в Минск. После убийства Абакумовым был составлен список участников этой акции и послан Сталину для награждения их орденами, что и было сделано. Все эти бумаги сохранились в архиве.

Точно так же еще в 1939 году, не желая спугнуть заграничников гласной расправой (те, прознав, могли бы стать невозвращенцами), Сталин дал указание после кратковременного ареста убить Полпреда СССР в Китае И.Т. Бовкун-Луганца и, заодно, его жену. Это и было сделано. Бовкун был арестован в мае 1939 г., успел дать показания о том, что он «заговорщик и враг» (понятно какими методами эти показания были добыты). А затем его по указанию Сталина освободили из тюрьмы и в июле 1939 г. отправили поездом с женой на отдых. В поезде он и жена были убиты людьми Берия – Церетели и Влодзимирским, тела сгрузили на глухой станции, поместили в машину, которую тут же сбросили в пропасть. В некрологах, опубликованных в «Правде» и «Известиях», с «глубоким прискорбием» страну оповестили об автомобильной катастрофе. А торжественные похороны устроили в Тбилиси.

Точно так же, тайно, была убита жена маршала Кулика – Симонич-Кулик. Сталину не нравилось ее польское происхождение, он подозревал ее в шпионаже. Симонич-Кулик была похищена на улице, тайно сидела в Сухановской тюрьме и без оформления каких либо бумаг была расстреляна на Лубянке. На следствии Берия подтвердил, что приказ об этом убийстве он получил от Сталина. И о подобных сталинских акциях говорится в объемном отчете Комиссии Шверника 1963 г. Он полностью опубликован, и, доложу я вам, это весьма содержательный документ [\[13\]](#).

В заключение, уже кратко, не могу не сказать о двух известных нам покушениях на убийство. В 1940 году Сталин дал указание Берии убить бывшего наркома иностранных дел М.М.Литвинова, инсценировав автомобильную катастрофу (Берия даже послал своих людей выяснить особенности дорог у дачи Литвинова); а в 1945 г. Сталин распорядился тайно убить академика П.Капицу, отказывавшего участвовать в советском атомном проекте. Судоплатов, получив приказание, приступил к подготовке «операции по ликвидации Капицы». Это было при министре госбезопасности Меркулове, но как только в МГБ пришел Абакумов в мае 1946 года, Судоплатов доложил ему о плане подготовки (как явствует из показаний Судоплатова), и Абакумов сказал, что «проводить не будем». Я думаю, что Абакумов просто получил соответствующее распоряжение от Сталина. Ведь у Капицы были обширные связи за границей.

Иногда говорят: «Ну почему? Ведь у Сталина было полновластие – кого хочешь можно арестовать, кого хочешь расстрелять, и никто даже не пикнет». Но вот были случаи, когда Сталину надо было поддерживать ложный имидж режима, и арестовать и расстрелять такого человека, как Капица, настолько известного за рубежом, было нельзя. Но и тайное убийство имеет свои издержки. Тоже может стать предметом нежелательных пересудов, как это произошло после убийства Михоэлса.

Итак, что же у нас в итоге? Если бы Сталин оказался на скамье подсудимых в 1953 г., то его наверняка судили бы по закону от 1 декабря 1934 г. (Берию судили именно с применением этого закона). И осудили бы преимущественно по тем самым вариациям статьи 58, о которых говорилось ранее. То есть: «измена родине, превышение служебных полномочий», убийство и т.п. Но причем тут измена родине, могут спросить. Очень просто. Смысл понятия сформулирован в Конституции СССР 1936 г. и Конституциях союзных республик 1938 г. . Ст. 133 Конституции СССР: «...Измена родине: нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж – караются по всей строгости закона, как самое тяжкое злодеяние». И здесь деятельность Сталина, если смотреть не только на конкретные преступления, позволившая дойти Гитлеру до Москвы, именно так и квалифицируется. Нанесение ущерба военной мощи – и расстрел военных в 1937 и еще много чего такого. Не случайно именно эту статью применили к Берии в 1953 году. Думаю, то же было бы и со Сталиным. То есть – получил бы высшую меру. Ну а с точки зрения сегодняшней – это вполне обоснованные обвинения в антиконституционной деятельности, превышении власти и вполне конкретные обвинения в совершении массовых убийств, причем ряд из них особо мучительным способом.

Спасибо за внимание.

*Полная расшифровка лекции доктора философии, заместителя председателя Совета Научно-информационного и просветительского центра "[Мемориал](#)" ^[10], автора книг и многочисленных статей, посвященных истории советского террора, массовых репрессий и карательных органов, Никиты Петрова, прочитанной 24 сентября 2009 года в клубе — литературном кафе *Vilingua* в рамках проекта «Публичные лекции [Полит.ру](#) ^[13]».*

Аплодисменты.

Борис Долгин: Спасибо.

Никита Петров: Может быть, слегка сумбурно получилось, но мне хотелось бы, чтобы теперь мы в вольной, дискуссионной форме еще раз просмотрели, что могло быть в моих рассуждениях не так, в чем я мог, по большому счету, быть неправ. Пожалуйста.

Обсуждение лекции

Борис Долгин: Сейчас обязательно будут вопросы, но сначала одно мое маленькое замечание и один вопрос. Замечание касается утверждения о проводимой сейчас унификации и т.д. Мне все-таки кажется, что ситуация неоднозначна. В том смысле, что наряду с тенденцией к выработке государственной исторической политики, использования истории как актуального инструмента борьбы с внутренними и

внешними врагами и т.п., мы можем наблюдать некие половинчатые шаги и в другую сторону. К примеру, признание репрессий, посещение Бутовского полигона и пр. Словом, есть шаги на одной чаше, и есть шаги на другой чаше.

Никита Петров: Да, безусловно.

Борис Долгин: Это было соображение. А теперь вопрос: что касается репрессий против т.н. «кулачества» рубежа 20-30х гг. – здесь мы разве ничего не можем сказать?

Никита Петров: Мы можем сказать, безусловно, что это преступление и насилие над крестьянами. Но уместно сказать и о том, что первые советские нормы, первые советские Конституции имели ярко выраженный классовый характер, они, например, налагали ограничения на людей с «классово чуждым» происхождением по имущественному признаку. Например, большие слои населения по этой причине были лишены избирательных прав. То есть по существу действовавшая в то время Конституция РСФСР от 11 мая 1925 г. хотя и содержала статьи о свободе печати и митингов, но четко относилась эти права только к рабочим и их организациям. Кстати, в ней не было постулата, что только судебным решением можно лишать человека свободы. А лишение избирательных прав всех торговцев, rantье, лиц, использующих наемный труд, служителей религиозных культов и лиц, ранее служивших в царской полиции, по смыслу этой конституции означало, что и других прав они тоже могут быть лишены, если вдруг власть сочтет это необходимым. А в Конституции СССР 1924 г., например, была отдельная глава про ОГПУ, и не было ни главы, ни каких-либо статей о правах граждан. Весьма характерно! Кроме того, решение ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г., предоставившее право органам советской власти (советам) принимать решения о конфискации имущества крестьян и их насильственном выселении, было на следующий же день официально опубликовано в газете «Известия». То есть руководители СССР не скрывали своих классово-кровожадных намерений и планов. Конечно же, это не делало их менее преступными. В связи с этим возникает вопрос: а, собственно говоря, зачем Сталину понадобилась декларативно-либеральная Конституция 1936 года? Она стала неким фасадом, который должен был сделать Советский Союз более привлекательным в глазах населения других стран. И наивные люди вроде Карла Радека и Николая Бухарина, которые писали соответствующие разделы этой Конституции, думали, что они вписывают в нашу жизнь некоторые правовые гарантии. Они не понимали, что это будет всего лишь фиговым листком, прикрытием. С годами отношение власти к Конституции, как к некоей пропагандистской декларации не изменилось. Ведь мы не будем спорить – в Конституции 1977 года хоть и была дурацкая 6-я статья о «руководящей и направляющей» роли партии, но там не было статей, согласно которым можно было без решения суда выслать в 1980 году Андрея Сахарова в город Горький. Это же типичная внесудебная репрессия. Согласно предыдущим Конституциям и СССР и РСФСР, нельзя было принять Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года о борьбе с т.н. «тунеядцами» и неработающими из числа молодежи. Тогда развернулась целая кампания в крупных городах по поимке уклоняющейся от «общественно полезного труда» молодежи, ловили стилияг, девушек легкого поведения. А из жертв этого указа наиболее известен поэт Бродский. Общая статистика репрессий согласно этому указу впечатляет. До отмены указа в 1965 г. успели административно выслать из городов 70 тысяч человек. Так

что и после смерти Сталина политические репрессии не прекращались. Может быть, можно их назвать вегетарианскими или мягкими, но они, тем не менее, были. Это то, что можно считать «родовой травмой» советской власти. Ну а если вспомнить вызванный действиями Сталина и его окружения «голодомор», разговоры о котором так не нравятся теперь Кремлю, если все это проанализировать, то и здесь вполне уместно говорить об ущербе военной мощи государства (ведь сколько людей погибло – потенциальных солдат и офицеров), то есть квалифицировать содеянное по статье 58-1.

Борис Долгин: Понятно. Т.е. пытаюсь кратко резюмировать, сегодня мы говорили только о событиях после 1936 года потому, что они противоречили хотя бы тогдашнему законодательству.

Никита Петров: Ну, разумеется.

Борис Долгин: А, исходя из нашего сегодняшнего представления о правах и свободах, все предыдущие репрессии тоже могут быть осуждены.

Никита Петров: Да, конечно.

Евгений Тесленко: У меня большая просьба вернуться к заявленной теме, а именно, к юридическим основаниям. Что вызывает вопрос? Обвинение в убийстве. Простите, а не возможна ли такая точка зрения: некие списки, подписанные лично Сталиным, идентификация проведена, его рука, но, простите, – это филькина грамота! Это бумажка, которая написана частным человеком – ну, подумаешь, он там руководитель общественной организации, партии – здесь не его преступление. Здесь преступление тех людей – судей, «троек», людей, создававших эти «тройки».

Борис Долгин: Сталин и создавал эти «тройки».

Евгений Тесленко: Сталин эти «тройки» на местах, в регионах, лично не создавал. Мне необходимо, в связи с юридическим подходом, проследить те документы, те нормативные акты, которые и составляют такой «дух буквы», «букву духа», из которых следует, что некие записки главы государства и главы партии обязательны для объективации в нижестоящих министерских, судебных и прочих органах. Т.е. здесь должна быть линия очень строго выстроена, если говорить о юридической стороне. Пока вот этот вопрос, а есть по существу еще вопрос.

Никита Петров: Понял. Дело в том, что, несмотря на то, что, с моей точки зрения, суд над КПСС в 1992 году позорно провалился – а он рассматривал, между прочим, эпизоды, начиная с 1917 года и вплоть до 1991 года – суд пришел к одному очень важному выводу, он подтвердил что Компартия (во главе которой в рассматриваемый нами сегодня период стоял Сталин) не была общественной организацией. Она была

особым механизмом власти. Т.е. ВКП(б), а с 1952 г. – КПСС и являлась главной властью в советской стране в то время.

Теперь: создавал ли Сталин «тройки». Понимаете, если под утвержденным для конкретного региона составом «тройки» стоит подпись «секретарь ЦК Сталин», то персонально в «тройку» люди назначены фактически им. Мы, конечно, можем делать вид, что решения Сталина необязательны для Верховного Суда, что решений Сталина может не исполнять Калинин. Но почему-то практика показывает, что ни одно из решений Сталина не было проигнорировано ни Калининским, ни Верховным Судом, ни всеми остальными органами легальной власти.

Евгений Тесленко: Это ничего не доказывает

Никита Петров: Нет, простите, а как вы хотите доказать неучастие Сталина? Представьте себе судебный процесс: какой-то человек, которого мы знаем как частное лицо (а на самом деле – преступный авторитет), дает указание кому-то из своих: а вот такого-то надо убить. Ну, это всего лишь слова! А тот убил. Уверяю вас, что если тот признается на суде, что указания или даже намек он получил от вышеупомянутого частного лица, это частное лицо тоже сядет. Как организатор.

Борис Долгин: Да. Как организатор или заказчик.

Евгений Тесленко: Нет, извините. Вот как раз то, что из практики – это одно, но мы-то говорим о юридических основаниях. И вот насчет этого примера: преступный авторитет вовсе не обязательно говорит «вот того нужно убить». Он может посмотреть, он может сказать «ну, сами понимаете». И вот на этом основании, на основании взглядов и подмигиваний, ни одного преступного авторитета, ни одного вора в законе не осудили. Их осуждают обычно за марихуану, за подброшенные патроны и там еще за что-то.

Никита Петров: Хорошо, давайте тогда на конкретном примере. Вот готовится открытый процесс по делу «вредительской диверсионной шпионской организации» в тресте «Буденновугль», в городе Сталино (ныне Донецк). Принимается специальное постановление Политбюро от 25 октября 1937 г. о том, чтобы заслушать дело показательным порядком в открытом заседании и поручить это облсуду и прокуратуре, а Донецкому обкому «наблюдать за проведением процесса» (так в тексте документа). Но Сталину этого мало. Он вписывает в подлинник решения отдельный пункт: «Виновных приговорить к расстрелу, расстрелять и опубликовать об этом в местной печати» [\[14\]](#). Что это, как не вмешательство в дела судебной власти и ее подмена?

Евгений Тесленко: Юридически, это мнение частного лица.

Никита Петров: Ничего себе! Но если именно так и было сделано?!

Евгений Тесленко: Есть правила, и есть законы. И жизнь обществ, жизнь государств, даже самых демократичных, очень часто творится по правилам, а не по законам. Мы знаем о депортации американских граждан японского происхождения – внесудебном, мы знаем очень много таких вещей.

Никита Петров: Отлично, хороший пример.

Евгений Тесленко: Правила и законы часто вступают в противоречие. Здесь в теме лекции было заявлено: «ю р и д и ч е с к и е основания». Я нисколько не сомневаюсь, что это мерзопакостный режим, что там все в крови не просто по локти, а выше крыши – я с этим абсолютно не спору. Но вот о сути вопрос. Благородная, тяжелая деятельность «Мемориала», которую я всецело одобряю и поддерживаю, не находит по моим данным, социологическим данным должного резонанса в обществе на протяжении почти 20 лет, лишь потому, что не были сформулированы некоторые алгоритмы. Очень важные алгоритмы, которые давали бы возможность именно для юридического подхода. Как отличить жертв от палачей? С тем условием, что очень часто совмещались жертвы и палачи. Алгоритм необходим. И если сказать, что алгоритм тут невозможен, тогда о юридическом основании вообще речи быть не может. Можно только морально осуждать – с этим я полностью согласен.

Затем. Если мы не хотим дальше демонизировать Сталина – ничего хорошего демонизация Сталина не дает, поверьте. Нельзя родовые явления, родовые феномены подставлять под суд, под те юридические нормы, которые направлены на конкретные решения. Это разные вещи. Нельзя механизмом, который практикует конкретные вещи, нельзя родовые понятия...

Никита Петров: Я не очень понимаю. Вы имеете в виду родовые травмы советского строя?

Евгений Тесленко: Нет. Родовые понятия – это термин... Ну, например, «советский строй». «Сталинский режим». Это некоторые такие обобщения, они не формализованы. Из них невозможно вывести алгоритм, который можно было бы внести в юридическую практику. Что значит «осудить сталинский режим»? По большому счету, на выходе мы будем иметь то, что мы все сами себя должны осудить и сами себя высечь. Потому что все этом режиме участвовали. Кто в большей, кто в меньшей степени. Кто активно, кто пассивно. Кто плюс, кто минус. Но в ад дорога вымощена...

Никита Петров: Я вам так скажу. Это не основание. Ведь не помешали же немцам ровно те же самые причины задуматься о своем прошлом. Все участвовали. Сколько их участвовало! И, тем не менее, осознание того, что было сделано, постепенно пришло. Теперь относительно власти ВКП(б), КПСС, до этого – РПК(б). Это действительно замечательный вопрос, и спасибо вам за него. Эта власть была всегда незаконной.

Борис Долгин: До 1977 года.

Никита Петров: Нет. По той простой причине, что статья 6-я Конституции 1977 про руководящую и направляющую роль является фикцией, потому что наряду с ней в той же Конституции была статья о государственном устройстве. Там четко сказано: страной руководит Верховный Совет. Мне же не надо вам доказывать, что Верховный Совет – это все пустое дело. Что ни одного решения он не принимает до Политбюро, а только после того, как Политбюро эти решения примет. Политбюро – это механизм власти, это механизм абсолютно подпольной власти в Советском союзе. И механизм этой власти стал ясен из скрывааемых документов. Они скрывались до августа 1991 года. Когда стало понятно, что Политбюро назначает людей на должности, а не Совет Министров. Политбюро решает, какие должны быть проведены судебные процессы. Политбюро решает, а в какой-то момент истории – лично Сталин.

Я скажу так в отношении вины Сталина. У нас есть еще одна зацепка помимо этого. Что касается Политбюро. Уверяю вас, что, несмотря на то, что даже с точки зрения советской легальности, Политбюро являлось некой теневой структурой, которая на самом деле руководила страной (и мы это имеем как закрепленный, доказанный Конституционным судом факт), есть и другая ипостась товарища Сталина. С 1941 года он являлся председателем Совета Министров. И вот в этом качестве, если мы возьмем решения Совета Министров, военного и послевоенного времени, мы тоже найдем много любопытного. Например, подмена судебных органов решениями Совета Министров. Например, в сентябре 1947 года Советом Министров было принято решение о проведении судов над немецкими военнопленными генералами. В нем четко было определено, где и какие процессы организовать (перечень городов). Более того, мы найдем факты, когда председатель Совета Министров (а ведь это легальная, конституционная власть!) редактирует и правит выносимые немцам приговоры до их оглашения. И по телефону сообщает, например, в Симферополь и другие места, где должны быть вынесены Военным трибуналом приговоры, дескать, да, все в порядке, надо казнить. Вы знаете, что казнили немцев в тот момент через повешение и при стечении публики на площадях.

Одним словом, вполне явное и очевидное нарушение Конституции. И в принципе Конституционный суд, рассматривая дело КПСС в 1992 г., сделал этот шаг, признав, что КПСС являлась структурой, которая руководила страной на нелегальных основаниях, несмотря даже на 6-ю статью. Между прочим, в сталинской Конституции тоже была статья, где говорилось, что гражданам разрешается создавать общественные организации, и в том числе ВКП(б), где объединены наиболее «передовые» граждане.

Понимаете, здесь все вполне очевидно. Есть комплекс нарушений, и есть система этих нарушений. Причем мы не исследуем мотивы – это отдельная тема.

Борис Долгин: И когда мы говорим о юридических основаниях, то для суда часто имеют не только прямые, но и косвенные доказательства. Наличие таких прямых

указаний, которые исполнялись, вполне судами принимаются как косвенные доказательства вины. А то и как прямые.

Борис Скляренко: Вы знаете, я начну с реплики о родовых и неродовых понятиях. Когда родовое объединяется с неродовым, остается только решить, кого принудили отождествлять, и до каких масштабов дошли эти деяния. Какие масштабы оно приобрело. И в этом смысле судить можно. Даже если все участвовали. Почему можно? Потому что часть из тех, что участвовали, насильно поставили в условия, в которых невозможно было по-другому. Это не значит, что они тем самым лишаются права участвовать в суде над теми, кто их насильно до этого довел. Это первое. Ну а что касается самой постановки вопроса, то мне кажется, что она своеобразна и не очень привлекательна. Потому что судить надо не Сталина, действительно, здесь я немножко солидарен. Не потому что он не преступник, а по другим причинам.

Борис Долгин: В заголовке – сталинского режима.

Борис Скляренко: Режима? Вопрос и о режиме спорный. Почему? Потому что, наверное, надо судить идеологию и всю систему, которая основывалась на этой идеологии. Если же мы судим по самому законодательству того времени, мы его тем самым делаем легитимным. Мы признаем, что по нему можно судить. Но как можно признавать такое законодательство, которое...

Но 1953 год – это год действия того законодательства, и если мы начинаем по нему судить Сталина или кого бы то ни было, мы тем самым признаем легитимность этого законодательства. Судить надо, следовательно, с совершенно других позиций. Мне кажется, здесь был бы интересным другой вопрос, который выводил бы на понятие, на проблему суда. Каким образом благая идея, теория, идеология марксизма стала той дорогой в ад, которой она стала? Вот куда более интересная, в общем-то, линия.

Я просто оговариваюсь, что с точки зрения постановки нынешнего вопроса, давайте посмотрим, а что мы могли предъявить Сталину. Значит, надо признать действующее тогда законодательство и всю юридическую систему легитимной. А ее невозможно в принципе признать таковой. Спасибо.

Борис Долгин: Действительно, можно попробовать рассмотреть с точки зрения сегодняшней юридической системы.

Никита Петров: Нет, дело в том, что это наиболее частый упрек, который приходится слышать, – вот, вы судите Сталина с позиции сегодняшнего дня, это не исторично, юридически неправильно, так как законы не имеют обратной силы и т.п. Поэтому я сделал попытку уложить сделанное в тот период Сталиным в прокрустово ложе советского закона. Продемонстрировать, что он прежде всего нарушал действующее (и, кстати, принятое по его же инициативе законодательство), а не какие-то абстрактные «ленинские нормы партийной жизни», как принято было говорить при Хрущеве. Вы, безусловно, правы насчет нелегитимности того

законодательства. Однако, нас интересует этот вопрос именно в рамках того законодательства. Почему? Потому, что если мы хотим назвать тот режим преступным, нам достаточно найти факты сознательного, систематического нарушения Конституции. Посмотрите, что делает сталинский Советский Союз: подписывает 10 декабря 1948 года Декларацию прав человека. Спрашивается: зачем?! Ведь советские руководители не собираются выполнять всего того, что они подписывают. Вот это уже и есть, между прочим, преступный характер государства. Да, знаем про себя, что будем нарушать, знаем про себя много такого, но скрываем. Скрываем и будем скрывать дальше. Это первое. И второе. О самой теории. Марксистская теория не имеет никаких благих намерений. Я об этом много дискутировал и скажу лишь одно: если мы заглянем в Манифест Коммунистической партии, который есть краеугольный камень марксистской теории, то мы увидим там четко изложенные пункты – и про отъем земельной собственности, отмену права наследования, национализацию банков, общественное воспитание детей, притом «соединение воспитания с материальным производством» (то есть воспитание трудом) и, что самое важное – «обязательность труда для всех» – то есть принудительный труд – и «учреждение промышленных армий в особенности для земледелия» [15]. Авторы манифеста прекрасно понимали, что добровольно у них работать никто не будет – не имея ни частной собственности, ни перспективы получения наследства или передачи его потомкам, ни каких-либо иных понятных простому человеку стимулов к труду, не имея даже в своем воспитании своих же собственных детей. Это какая-то злая карикатура на «прекрасное будущее», типичная антиутопия в духе Оруэлла и Хаксли. Манифест Коммунистической партии – это уже есть человеконенавистнический документ № 1.

Борис Скляренко: Вы знаете, это не совсем так. Я не защитник [марксистской теории], и я отдаю себе отчет в том, что я говорю, но я вам советую прочитать введение к тому же «Капиталу». В этом предисловии Маркс четко оговаривает, что он рассматривает этот вопрос социально-исторически, и говорит: я в очень плохом свете показываю капиталиста и земельного собственника, но личность конкретная не может отвечать за те исторические условия, в которых она появилась. Это альфа и омега его концепции, его теории. То, что она была перечеркнута, и о ней даже не вспомнили, – это уже другой вопрос. Что касается трудовых армий – там немножко было иное понимания этого явления, отличное от нынешнего времени. Опять же, я тоже не склонен идеализировать марксизм, но, тем не менее, правда есть правда. Об этом надо говорить.

Реплика из зала: Мне показался очень интересным доклад, именно то, как на частном примере Сталина показана эта вся жуть. Мне кажется, что ваша организация вполне обладает юридическими материалами, чтобы возник процесс типа Нюрнбергского. Скажем, внутри государства, я не имею в виду международный процесс. Вот в связи с этим у меня вопрос: возможен ли в ближайшее время или когда-то в будущем такой процесс?

Никита Петров: Думаю, что невозможен по одной простой причине: для процесса нужны обвиняемые. А процесс над режимом как таковым, т.е. процесс Конституционного суда, как это была в деле КПСС – он возможен, но это не Нюрнбергский процесс. Это, что называется, взвесили со всех сторон и посмотрели: вот юридические основы существования советского государства, вот есть преступная

практика, и мы признаем, что государство имеет антиправовой характер, потому что не уважает ни собственной Конституции, ни писанных законов, а занимается проведением всяких карательных мер и репрессий. И этот антиправовой характер выводит нас на понимание преступного характера советского режима с самого начала его существования. Оставляю в стороне вопросы марксистской теории, но и они на этом процессе тоже неизбежно всплывут. Всегда нужно будет говорить об основаниях (или мотивах, как это принято в процессе расследования уголовных преступлений) – что лежало в основе этого режима? Сегодня уже ведутся разговоры о том, чтобы создать Специальное судебное присутствие, что-то вроде трибунала, имеющего и юридический, и общественный характер. То, что мы сегодня обсуждаем, – тоже шаг в этом направлении. И мы с вами здесь выносим свое частное решение: да – Сталин был преступником, а советский режим был преступным. И последователи Сталина тоже совершали преступления. Даже если это мнение будет просто существовать, а еще лучше – укоренится в общественном сознании, это уже немало.

Борис Долгин: Спасибо. Единственное скажу, что вряд ли этот суд, даже если он был бы возможен, был бы национальным: все-таки Советский Союз не тождественен России.

Павел Кудюкин: Спасибо. Ну, сначала реплика коллеги: напоминаю, что вообще 100% советских судей были членами ВКП (б), а решение высшего партийного органа – Политбюро – было обязательно для каждого коммуниста. Т.е. они просто не могли не выполнить решения Политбюро, не расставшись с партией с соответствующими последствиями. Но это реплика. Теперь очень серьезный вопрос. Я понимаю, Никита, что вы построили действительно очень красивый ответ на вот эти попытки обращения в суд за клевету. Действительно, это хороший, грамотный ответ. Но при этом остаются за кадром очень серьезные и исторические, и правовые проблемы. Я, конечно, с вами согласен, что суд над режимом может быть только судом истории, а не судом юридическим. Но юридические аргументы тут сыграют свою роль, несомненно. Мне пришлось как-то беседовать с покойным Александром Николаевичем Яковлевым, участвовать в его беседе с генеральным секретарем Социнтерна Луисом Айалой. И Яковлев сказал интересную вещь: ну, вот мы реабилитировали подсудимых по процессу право-троцкистского блока, мы их реабилитировали – кроме Ягоды! Я очень удивился и сказал – вообще, если подходить не политически, а юридически, то вообще его следует также реабилитировать, потому что он осужден не за то, что он реально сделал. Вы упомянули эту проблему со всеми, осужденными внесудебными органами. Строго юридически, они все должны быть реабилитированы. Независимо от того, что реально они совершали. Просто в назидание потомству: в результате того, что нарушаются элементарные правовые нормы, злодеи уходят от ответственности.

Никита Петров: Да, понял. Ну, у меня есть один такой своеобразный пример. Когда американцы пришли и в 1945 г. освободили часть провинции Саксония (ныне земля Саксония-Ангальт) и земли Тюрингия, из концлагерей народ выпускали, что вполне естественно. Всем им (так как они сидели по санкции гестапо, без какого-либо судебного приговора) американская администрация автоматически выдавала справку – «жертва нацизма». А среди освобожденных, наряду с политическими противниками Гитлера, были и криминальные элементы (профессиональные воры,

аферисты), асоциальные элементы и т.п. Кое-кто из них тут же устроился на работу в полицию, взялся за старое. Понимаете? Американцы ушли из Саксонии-Ангальт, передав территорию в советскую зону оккупации согласно разграничению зон, а эта публика остались на работе в полиции. Причем работа немецкой полиции в советской зоне контролировалась и проводилась в интересах органов НКВД. И когда после ряда скандалов и преступлений возник закономерный вопрос о чистке немецкой полиции от подобных кадров с подмоченной репутацией, органы НКВД крайне неохотно давали санкцию на освобождение этих людей от должности. По той простой причине, что они им были полезны. Это такой пронырливый, полукриминальный элемент, который помогал оперативным группам и оперсекторам НКВД самоснабжаться, вести агентурную работу, находить и изымать ценности (часть из них присваивая) и т.п. Одним словом, это был своего рода пример коррупции. И вот вопрос, правильно ли американцы поступили, дав всем узникам концлагерей, чохом, без разбора такие справки? Думаю, да. Это вполне правовой подход в отношении тех, кто подвергся внесудебным репрессиям. Другое дело, что не следовало часть из них (понятно какую) допускать к работе в правоохранительную сферу или в государственную систему управления. И нам сегодня стоит понимать то же самое. Вы говорите о Генрихе Ягоде. Я прекрасно понимаю, обвинения прозвучавшие на процессе «Право-троцкистского блока» в марте 1938 г. – необоснованны, и он здесь ни в чем не виноват. Откроем следственное дело Ягоды и поймем: Горького не отравлял, Менжинского не умерщвлял, и многое-многое другое, что там сказано, не делал. Более того, и Кирова не убивал. Но, понимаете, какая вещь – тогда, когда в 1988 г. реабилитировали осужденных на этом процессе, спрятали голову в песок. Не отказали Ягоде в реабилитации, а просто обошли его, не внося его в прокурорский протест на приговор в Верховный Суд. После 1991 г., когда Закон о реабилитации предписал проверить все подобные дела и всех осужденных по политическим обвинениям на предмет обоснованности осуждения, мы вправе спросить Военную прокуратуру – а проверялось ли его дело после 1991 г.?

Ну, и еще я одну вещь хотел сказать. Я, конечно, сегодняшнее выступление готовил вовсе не в качестве репетиции к предстоящему процессу по иску внука Сталина...

Борис Долгин: А как ответ на наш запрос.

Никита Петров: Да, в конце концов, я боюсь, что в суде и не придется выступать со всей этой машиной аргументов и доказательств. Но про суд истории я с вами совершенно согласен.

И вот еще одна вещь, я прошу прощения. Дело в том, что стало модным – эта наша такая демагогическая и политическая традиция – говорить, что вот, мы не хуже других, у других государств тоже были репрессии и т.п. Вот тут упомянули интернирование американцев – японцев по национальности – на западном побережье США. А это ведь совсем другое дело. Друзья мои, если мы посмотрим, как это было сделано, какие были выплачены компенсации, и возьмем в расчет то, что еще до конца войны это дело было, что называется, закрыто, то какие могут быть сравнения. Собственности интернируемых (или выселяемых, как у нас любят говорить) не лишали. В процессе выселения японцев им давали выбор, если была

готовность просто выехать из Калифорнии свободно в другой штат, тогда не применялось принудительного интернирования. Конечно, сама эта акция была формой параноидального военного психоза под влиянием боевых действий. Но, что важно, интернированные японцы, тем не менее, трижды судились с американским правительством еще в ходе своего сидения в бараках. При освобождении выплачивались компенсации по 20 тысяч долларов каждому. Все же видны четкие признаки правового государства. Я понимаю, правильно говорят, слишком поздно американское правительство извинилось перед ними. Сначала при Форде признали, что это была ошибка, а потом только при Рейгане, действительно, в 1988 году принесли извинения. Но простите, главное – японцы не потеряли своей собственности и в 1945 же году вернулись на свои места. А вспомните судьбу наших переселенных народов. До сих пор немцев Поволжья никто не вернул на место. До крушения Советского Союза их никто и не собирался возвращать на место (а теперь уже и возвращать некого – уехали в Германию). Крымских татар тоже. Понимаете, Советский Союз был не просто преступником, он еще продолжал упорствовать и скрывать свои преступления. Много ли мы знали о советских репрессиях и их истинном масштабе до 1991 года? Американское общество и правовое, и открытое, и даже при таком массовом нарушении прав человека, которым было выселение японцев, оно постоянно этот вопрос прорабатывало внутри себя, этот вопрос был предметом постоянных дискуссий. Так что давайте лучше не будем про Америку.

Булат Низамутдинов: У меня два вопроса, и оба скорее теоретические. Ожидали ли вы, заканчивая название своей лекции словосочетанием «юридические основания», что аудитория, которая не на большую часть состоит из юристов, воспримет это как возможность привлечения Сталина к юридической ответственности? Почему не проще было вынести в название понятие, скажем, моральной ответственности или морального осуждения? Почему изначально нельзя было убрать эту сложность, на которую впоследствии можно было ответить? И второй вопрос. Ну, наверное, многие знают или немногие знают, о полемике между Гербертом Хартом и Лоном Фулером – относительно легитимности нацистского законодательства времен 30-х и 40-х годов. Напомню, что в те времена в Германии еще продолжала действовать Веймарская Конституция, тем не менее, Гитлер некоторыми механизмами парализовал ее действие. Что предлагалось? Даже такой неопозитивист, как Герберт Харт, предлагал ввести ретроспективный статут, т.е. придать обратную силу тому закону, который смягчит ответственности. Вопрос в следующем: вот вы использовали такие, в общем, позитивистские аргументы, проще говоря, то, на чем настаивали советские диссиденты – соблюдайте свое законодательство! Соблюдайте свое законодательство, которое имеет высшую силу, ту же самую Конституцию. Помимо этого вы использовали некоторые социологические аргументы – то, что в реальности действует, то, что на самом деле действует, здесь звучали, естественно, какие-то правовые аргументации, общие понятия о справедливости. Вот вы, скорее, к какому пониманию относитесь: к естественно-правовому, позитивистскому или социологическому? Пожалуйста.

Никита Петров: Во-первых. Насчет морального осуждения, я не стал бы даже особо развивать эту тему по одной простой причине. Сталин морально осужден той партией, которой руководил. Состоявшийся в феврале 1956 г. XX съезд КПСС вынес решение морального свойства. Т.е. методы Сталина были признаны даже в рамках марксистских догматов – аморальными. Об этом идет речь в закрытом докладе

Хрущева съезду, который хоть и не публиковался, но широко зачитывался на партийных и комсомольских активах по всей стране.

Борис Долгин: И решений XX съезда никто не отменял.

Реплика из зала: Но это решения партийных органов.

Никита Петров: Не отменял, конечно. Ни решений XX съезда, ни последующих решений КПСС – резолюций, директив о переименованиях, демонтаже памятников и выносе Сталина из мавзолея. Хрущев, конечно же, коммунист. Но Хрущев как коммунист прекрасно знал, как важно бороться именно с символами. Это очень важное знание. Понимаете, я пошел в школу при Хрущеве, в 1964 году. И могу сказать, в чем я оказался счастлив – что такие решения против Сталина к тому времени состоялись. Музыкальным фоном моего детства не стало огромное количество всяких дурацких песен, воспевающих Сталина. А до того их было множество, типа «Сталин – наше знамя боевое, Сталин нашей юности полет», или выброшенная строчка из нынешнего гимна Москвы: «...где любимый наш Сталин живет». В 1961 году официальный песенный репертуар был изрядно вычищен, огромный пласт советской псевдокультуры был выброшен на помойку. Хотя тут же насочиняли много других песен, теперь уже воспевавших «ленинскую партию», или менее пафосных, но не менее фальшивых подделок под «народность»: «издалека, долго / течет река Волга». Ликвидация сталинских памятников и скульптур, переименование площадей и улиц, выбрасывание одиозных строчек из песен и перевод художественных полотен в запасники музеев и было результатом морального осуждения Сталина. Апофеозом стал вынос его тела из мавзолея и предание земле. «Чтоб Сталин не встал, а со Сталиным прошлое...», как стихами откликнулся на это событие Евтушенко в центральной печати.

Что касается того, к чему я тяготею, – я вам прямо скажу: в данном случае я за обратную силу закона и за все эти социологические аргументы, потому что в принципе я судил бы не только Сталина и его преступный режим, а весь советский режим как построенный на человеконенавистнических принципах, идущих против природы человека, насилующих личность. Это прежде всего принудительный труд. Ведь на чем держался Советский Союз? На страхе репрессий и применении принудительного труда. Понимаете, нормы права – понятие производное. Право не существует в неизменном виде во веки веков. Разумеется, если мы сейчас примем гуманные и правильные законы, мы можем им придавать обратную силу, но честно вам скажу, необходимости такой не вижу. Ведь мы все равно никого на скамью подсудимых не посадим. Я вижу необходимость в том, чтобы мы провели официальное (с участием Верховного Суда) полноценное юридическое разбирательство преступных теории и практики Советского государства за весь период, от Ленина до Горбачева. Рассмотрели бы все эпизоды репрессий и уничтожения населения, насколько они были обусловлены марксистской доктриной и теоретическими построениями лидеров правящей Компартии. Четко доказали бы, сколько международных договоров и соглашений нарушил СССР, подготовил и провел агрессивных войн и захватов, как организовал и провел репрессии в сопредельных странах (например, послевоенные репрессии в странах т.н. «народной демократии»). И это дало бы основание сделать вывод, почему Советский Союз был

преступным государством. Если результатом этого слушания станет судебное решение – приговор системе, на мой взгляд, этого достаточно. И сделать это можно отчасти и в рамках старого законодательства и с применением международных норм того времени, которые Советский Союз подписывал, но не выполнял. И сейчас стоит напомнить правителям: пишите законы, которые сами собираетесь выполнять. Только и всего. В современной России это очень актуально.

Борис Долгин: И еще раз. За счет решений периода борьбы с «культом личности» КПСС, будучи частью государственного аппарата, наложила, таким образом, определенные обязанности (в неотмененной части этих решений) на современное Российское государство.

Никита Петров: На самом деле, да.

Илья Карпюк: У меня такой вопрос. В 60-х годах израильское государство судило Адольфа Эйхмана за преступления против евреев. Не против человечности, а именно против евреев. Имеет ли право современное государство, которое существует, скажем так, на территории существования сталинского режима, т.е. от восточной Германии до Владивостока, включая весь бывший Союз, Румынию, Болгарию и т.д., судить тех, кто был проводником этого режима? Т.е., например, легитимны ли те процессы в Эстонии против органов, которые занимались депортацией эстонцев? Возможны ли такие процессы в других странах – в Украине, в Белоруссии, Грузии, Польше и т.д.?

Никита Петров: Понял. С Эйхманом вопрос особый, и вот по какой причине. Я специально не говорил об этом в ходе сегодняшних рассуждений и даже не останавливался на тех преступлениях, которые были совершены Сталиным и сталинским режимом в годы войны. Т.е. на нарушениях правил ведения и обычаев войны, даже против гитлеровской Германии по той простой причине, что в 1945 году был принят закон № 10 Контрольного совета стран-союзников, который управлял Германией – он распространялся только на нацистских преступников. Этот закон дает основания судить пойманного Эйхмана и прочих совершивших преступления нацистов в любой стране и приговаривать их к смерти. Он дает даже основания применять нормы национального законодательства. Но этот закон не работает против коммунистических функционеров. Те суды, что состоялись в Прибалтике над советскими функционерами после 1991 г., абсолютно обоснованы. Потому что если бы этих людей судили сразу в послесталинское время, их тоже за то же самое судили бы. Если Кононов убил мирных граждан, понимаете, считая их бандитами, – он в советское время точно также за это ответил бы. Примеров таких осуждений было много даже при Сталине. Когда чекисты превышали свои полномочия, например, в Западной Украине, и расстреливали по собственному усмотрению «лесных братьев», они попадали под трибунал. Точно так же попадали под трибунал те, кто допускал не санкционированный свыше произвол в процессе выселения народов Кавказа, например, чеченцев и ингушей. Были наказаны отдельные лица (хотя довольно мягко) за сожженные вместе с людьми аулы. Даже с точки зрения Сталина это было нарушением. А чекисты, которые самостоятельно расстреляли лишней десяток немцев на территории Восточной Германии в 1945-1946 гг, точно так же попали под суд трибунала. То есть суды над сталинскими преступниками, которые

в недавние годы были в Прибалтике, абсолютно легитимны. Другое дело, что они применяли нормы своего законодательства, но за вполне конкретные преступления, за ряд которых и в сталинское время осудили бы, будь на то политическая воля.

Александр Гловели: Вот у меня такой вопрос, пусть он повторит те вопросы, которые уже прозвучали, отчасти, все-таки какова ваша цель? Зачем вы все это делаете? Все-таки Нюрнбергский процесс, судя по всему, определил дальнейшее, потому что юридические основания для тех процессов, которые потом в Германии пошли, – денацификация, процесс возврата собственности. Какими последствиями, какими действиями мог бы теоретически закончиться суд, который признал бы сталинский режим преступным, признал бы Сталина преступником? Что такого могло бы быть юридического, какая юридическая практика могла бы в нашей стране после такого рода решений?

Никита Петров: Что касается Нюрнбергского процесса – это понятно, это подведение юридической черты под прошлым, признание совершенных преступлений и преступности режима, а нам сейчас...

Реплика из зала: Не могли бы вы подробнее рассказать о конкретных процессах в Германии после Нюрнбергского процесса?

Никита Петров: Ну, разумеется – это и лишение собственности крупных нацистов, изъятие земель, запрещение занимать определенные должности на определенный период. Нам сейчас в принципе, если говорить о каких-то возможных процессах, можно было бы делать то же самое. В 1992 году я был сторонником и процесса люстрации (обнародования сведений о всех работниках госбезопасности и тех, кто сотрудничал с ними на тайной основе), и запрета на профессию для коммунистических функционеров и чекистов. Пусть я вам покажусь не просто ретроградом, а может, вы даже скажете, что вот де, вылезло мурло антикоммунизма. Но понимаете, какая вещь, мне казалось – не перегнув палку, нельзя ее выпрямить. Это высказывание Мао, конечно, звучит несколько цинично, но мы не можем не подвести под прошлым некую юридическую черту. Меня могут поправить и сказать: если ты сам подумаешь немного, ты скажешь – нет, не надо запретов на профессию. Может быть, я тоже приду к такому выводу, но я говорю о своем взгляде 1992 года. А сегодня я вижу, что все то, что не было сделано тогда, аукнулось нам теперь: надписью на Курском вокзале, всевозможным протаскиванием методов того времени, даже политическими убийствами, которыми теперь балуется Россия. Это на самом деле есть неизжитое, незаконченное прошлое. А что касается запретов на профессию – ну что, они действовали в той же Германии всего несколько лет, а потом публика прекрасно освоилась на примерно тех же местах. Может, и у нас бы это не дало бы никакого результата, то есть юридические последствия не были бы значительны ни от люстрации, ни от запретов на профессию (ведь речь шла бы только о работе на государственной службе). Но моральные последствия таких шагов, несомненно, были бы вполне серьезными и значимыми. Это не дало бы возможности протаскивать те самые методы, идеи, которые единожды уже были отвергнуты. Вот, с моей точки зрения, это было бы важно.

Борис Долгин: Да, единственное уточню – не Курский вокзал, а станция метро «Курская». То есть зона ответственности не РЖД, а московского метрополитена.

Никита Петров: Да, станция метро «Курская». Я там был сегодня и видел этот «отреставрированный» павильон. Наверное, не Путин и не Медведев давали команду восстановить эту надпись, это могла быть акция даже на уровне руководства метрополитена. Знаете, такая мелкая мальчишеская выходка, когда на дверях свастику рисуют – мы вот вам это сделаем, и посмотрим, как вы себя поведете. Они же восстановили не в том виде, в котором было. Там же изначально была полная строчка – «Сквозь грозы сияло нам солнце свободы, и Ленин великий нам путь озарил», а дальше уже шло то, что они сейчас восстановили. Но ведь в сегодняшнем кремлевском понимании как воспитывать общество – нужна державность и тот же Сталин, но без Ленина, без марксизма-ленинизма. Это сползание, на самом деле, к пустой имперскости без того содержания, что было в советское время. Вот что любопытно. Они отрывают Сталина от марксизма-ленинизма, на мой взгляд, совершенно несправедливо – Сталин до конца жизни считал себя настоящим марксистом, мы можем спорить о том, был ли он им, но то, что он себя таковым считал, является доказанным историками фактом.

Борис Долгин: Спасибо.

Лев Московкин: Спасибо, а то все так многословны – я думал, до меня не дойдет. Я, на самом деле, солидарен с Евгением, который первый вопрос задавал. Да, я еще хотел сказать, что каждое ваше слово – это золото. Вы еще не все сказали, вы говорили очень строго только о том, что доказано. Вы не упомянули еще там... Я вот своим детям всегда говорю, когда мы гуляем в Серебряном Бору, что вот здесь кости тех, кто копал Канал. Я согласен с Евгением и согласен со многими, кто здесь выступал, что надо просчитывать последствия и прежде всего, юридически, нельзя судить за какое-то преступление, если вот строго по закону, кого-то одного. Тогда надо осудить любого руководителя, в том числе и сейчас. Вот Пономарев говорит – не знаю, правда или нет, – что современный российский ГУЛАГ ничуть не слабее сталинского. Кроме того, вчера польский сейм принял резолюцию, о которой вы наверняка знаете, об осуждении похода Красной армии, и превентивно коммунисты дали протокольное поручение, которое было принято. Не могу добиться от историков – были в Польше концлагеря? Там названы конкретные города. Я могу просто зачитать названия. Должна быть какая-то сбалансированная позиция, а то тогда и Буша надо судить. И последнее, я заканчиваю, что если Буша надо судить, то в той идеологии, которая сейчас имеет хождение – это глупо, невозможно, так же, как судить Сталина в той идеологии, которая тогда имела хождение. Спасибо.

Никита Петров: Понимаете, я, конечно, за то, чтобы судить режим. Я, конечно, за то, чтобы судить систему. Просто в юридической практике такого не было и, может быть, и не будет, когда можно будет судить именно режим и систему. В юридической практике все-таки судят людей, представителей режима, представителей системы.

Борис Долгин: Ну, нацизм все-таки бы осужден.

Никита Петров: Нацизм не был осужден без людей. Нацизм был осужден в виде верхушки, которая предстала перед трибуналом в Нюрнберге. Как выводы из суда над верхушкой, конечно же, последовали выводы о преступности НСДАП, организации СС, о преступности и других нацистских организаций. Но, понимаете, просто затеять такие академические слушания с легким юридическим уклоном, это с точки зрения суда – бессмыслица. Должен быть человек, должна быть вина, и должна быть доктрина, если этот человек представляет систему, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Я, конечно же, не разделяю вашего пафоса о том, что нынешний российский ГУЛАГ ничуть не уступают сталинскому.

Лев Московкин: Это не мой пафос!

Борис Долгин: Это было изложение слов Льва Пономарева (не знаю, точное ли).

Никита Петров: Ой, все-все-все, простите. Я хотел сказать, что это наиболее часто повторяемая адептами Сталина и даже нелюбителями современного режима России мысль. Понимаете, в чем разница. Кто сидел в ГУЛАГе, и кто сидит сейчас? Мы что, сейчас имеем кучу политических заключенных? В сталинское время в лагерях от четверти до трети заключенных были «политическими», то есть осужденными по пресловутой 58 статье. Да, сейчас есть в заключении несправедливо осужденные, но мы не имеем системы четкого, направленного трудоустройства и подавления, какой была система ГУЛАГа. Сталинский ГУЛАГ был частью народного хозяйства, с одной стороны, и карательным инструментом, с другой стороны. Те, кто сидели при Сталине, были в подавляющем большинстве реабилитированы, то есть признаны в законном порядке невиновными. А наши нынешние заключенные разве будут в большинстве своем реабилитированы? Конечно, нет.

Евгений Тесленко: И кто не сидит сейчас.

Никита Петров: Потому и возникают такие вопросы, что юридическая черта под прошлыми злодеяниями не подведена. И у нас сохранился и правовой нигилизм, и правовой релятивизм, когда мы говорим, что вот этим можно, а тем нельзя. Тогда как должно быть твердым убеждение – если есть преступление, оно должно быть расследовано, и люди, которые его совершили, должны быть наказаны. Вне зависимости от того, кто это сделал, где и когда. Вот если бы у нас это было как императив, то, конечно, не было того, о чем вы говорите. У нас страна примерного или избирательного применения права. Здесь хотим – судим, здесь хотим – не замечаем.

Да, есть еще многие эпизоды советского преступного прошлого, которых я сегодня не коснулся. Спасибо за похвалу. Что-то из того, что сегодня я говорил, было аргументировано, что-то, может быть, – и не совсем. Но, уверяю вас, Саддама Хусейна могли бы приговорить к казни по многим-многим эпизодам, но нашли то, что называется необходимым и достаточным. Вот, с помощью карательной экспедиции, если не ошибаюсь в 1982 г. уничтожил деревню и ее жителей – и все, уже заслуживает смертной казни. Ведь со Сталиным, на самом деле, то же самое. Если

мы возьмем эпизод бессудных убийств, которые были совершены в послевоенное время, или только «Большой террор», то можем даже и не вспоминать об остальном не менее ужасном, например, про выселение народов. Для персонального суда над ним будет вполне достаточно. Если же говорить о преступности системы (советской или сталинской), то тогда нам, конечно, нужен полный реестр всех преступлений. Вообще, я не хотел бы, чтобы то, что я сегодня излагал, было понято как подготовка какого-то суда над Сталиным, подготовка какой-то аргументации. Это можно считать «деловой игрой», которую предложил Борис, и в которую я ввязался. До этого я, если честно, никогда серьезно не размышлял на эту тему.

Майя Кофман, «Мемориал»: Во-первых, я хочу сказать, что в японском лагере в Америке ни один человек не был убит, расстрелян – там только несколько человек умерло от болезни. Читайте книгу Жюэля Котека и Пьера Ригуле, называется она «Век лагерей». Там очень хорошо описаны все лагеря. Это, кстати, и к вопросу насчет концлагерей, которые были. Все наши восточные колонии, т.е. все территории за нашей восточной границей – в каждой стране был концлагерь. Страшные были лагеря и в Польше, и в Румынии, и в Чехословакии – они очень хорошо переняли наш опыт. Но я вообще-то собиралась выступить в конце и сказать совсем о другом: позавчера прошла презентация книги Игоря Сутягина. Никита тут, кстати, затронул – об ученых. Вы, конечно, здесь присутствующие, прекрасно знаете, кто такой Игорь Сутягин. Если кто не знает – прочитайте сайт. Есть [сайт Сутягина](#) [14]. Прошло уже 10 лет, как [Игорь Сутягин сидит по обвинению в шпионаже](#) [15]. Обвинение состоит из 38 пунктов – 33 сумели разбить, остальные тоже не подтверждены. Он сидит совершенно без доказательств. Вот книга рассказов, написанных Игорем в лагере. Рассказы разные. О природе, о реке, об облаках. О своих встречах со следователями. Рассказы очень поэтичные, очень, как бы вам сказать, четкие и замечательные. Но в этих рассказах обязательно юмор и ирония. Игорь замечательный человек, и прошел он эти 10 лет очень достойно. В книге есть предисловия – одно предисловие академиков Гинзбурга и Рыжова, второе предисловие – Шендеровича. И мне очень хочется, чтобы эта книга разошлась, и чтобы все люди о ней знали. Вот я ее дарю Никите.

Никита Петров: Спасибо.

Алексей: У меня вот такая реплика. Вы говорили, что Кремль отделяет Сталина от Ленина, как бы ленинизм от чистого марксизма. Я с вами вынужден не согласиться и имею на это некоторые основания в виде следующих фактов: летом был открыт в станице Еланской мемориал памяти партизан Чернецова – юнцов, студентов, учащейся молодежи, которая воевали против большевиков. Надо сказать, что противодействие мероприятиям по случаю этого открытия было оказано весьма солидное. Делегатов, едущих на это открытие, начинали останавливать и трясти еще от Миллерова. Я сам этого не видел, я ехал с другой стороны и не на автомобиле, а на велосипеде – от Воронежа. Дальше на 25 км от Вешенской до Еланской – пустая дорога, там она заканчивается как раз тупиком – стояло четыре милицейских кордона с усилением от ФСБ. К чему я это говорю? Памятник, мемориал, был адресован даже не атаману Краснову, хотя ему был там же воздвигнут памятник, но раньше, а именно – героям Белого движения, Белого сопротивления. Официально нынешней властью это движение не осуждается, не преследуется, но де-факто Ленин никуда не делся, тушка его под кремлевской стеной парится. Вот такая

реплика. И еще такой, наверное, вопрос: вот были процессы, в частности, процесс 1947 года над лидерами казачьего стана. Я очень интересный факт для себя узнал, оказывается, не единственный был такой процесс, проведенный без адвоката, с грубейшими нарушениями всех законов Советского же Союза. Вопрос: нуждаются ли эти лидеры, не являющиеся гражданами СССР, не подчиняющиеся законодательству советской страны, в реабилитации? Нуждаются ли в реабилитации жертвы грузинских войск в Южной Осетии? Или жертвы нацистских преступлений на территории Советского союза?

Никита Петров: Дело в том, что вы абсолютно точно заметили ту идеологическую невнятицу, которая в Кремле существует. Да, белые до конца своими не признаны. Но не забывайте, что у нас правая рука не всегда знает, что делает левая. Сегодня в газете я читаю, что лидеры «Наших» предложили Ленина из мавзолея все-таки вынести. А не будете же вы сомневаться, что «Наши» – это и есть Кремль, и сами по себе они до такой замечательной мысли не додумаются. Но с другой стороны, Кремль не реабилитировал Колчака. И не собирается реабилитировать Колчака. Более того, военная прокуратура даже упорствует в этом нежелании. А в этом-то, как раз, и есть некоторая невнятица. Линия до конца не выработана, но все-таки державность и государственность пока на первом месте. Поэтому: те люди, о которых вы говорите – Краснов, Султан-Гирей, Шкуро, – не будут реабилитированы. А знаете почему? Потому что они выступили против советского государства. А то, что они не являлись советскими подданными, – всем на это было наплевать. Я в свое время давал журналу «Коммерсант-Власть» интервью: «Чем Шкуро хуже Судоплатова?» [\[16\]](#) Почему Судоплатова, очевидного убийцу, реабилитировали, а Краснова не могут реабилитировать? Я беседовал по этому поводу с представителями Военной прокуратуры. Я говорил – у вас же в обвинении даже не сказано, что они сотрудничали с немцами. Все эти эпизоды не интересовали сталинское следствие. Они им инкриминировали лишь эпизоды гражданской войны. Я их спросил: как вы, сидя под трехцветным флагом, отказываете в реабилитации людям, которые за него боролись? Ну, хмыкнули, сказали что-то невнятное – ну, дескать, там они совершили и все. И это до сих пор так, понимаете?

Борис Долгин: Прошу прощения, мы вынуждены заканчивать. Большое спасибо. Мы хотели поговорить и о юридических основаниях, и заодно продемонстрировать, как были устроены многие репрессии, потому что многие до сих пор живут объяснениями 60-х годов о случайности, лотерее и т.д. И я думаю, что это во многом получилось. Спасибо.

Никита Петров: Спасибо. Я надеюсь, что все-таки из моего, может быть, слишком конспективного и фрагментарного изложения, вы что-то все-таки отметили для себя, потому что тема действительно необъятная – лишь об одном «Большом терроре» 1937-1938 года можно рассказывать часами. Но сами понимаете, что здесь нам надо было все это ужать и сконцентрировать до крайности. Спасибо за внимание и долготерпение, и простите, что не смог ответить на все вопросы, которые вы хотели задать, или которые были заданы, потому что, сами понимаете, отвечать можно долго.

[1] Здесь и далее приводятся статьи УК РСФСР принятого в 1926 г. и действовавшего вплоть до принятия нового уголовного кодекса в 1960 г. Статьи цитируются по изданию УК РСФСР 1948 и 1950 гг.

[2] Сталин И. Сочинения. М., 1952. Т. 10. С. 234.

[3] Подлинник решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 июля 1937 г. за подписью Сталина см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 19-22.

[4] Исследование об истории операции по реализации приказа НКВД № 00447 с приложением документов см.: Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008.

[5] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 185.

[6] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 139

[7] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 581. Л. 127.

[8] Оформлено как решение Политбюро ЦК ВКП(б) П51/324 от 20.07.37. Кроме подписи Сталина на документе имеются автографы: Ежова, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Микояна, Чубаря. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 51-53.

[9] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 575. Л. 69-70.

[10] Конец агента «13» // Московские новости. 1995. 17-24 декабря.

[11] АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 156.

[12] АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 467. Л. 156.

[13] Реабилитация: как это было: документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Т.2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М. 2003. С. 541-670.

[14] РГАСПИ. Ф.17. Оп. 166. Д. 581. Л. 186.

[15] Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. М., 1974. С. 46-47.

[16] Коммерсантъ-ВЛАСТЬ. 2001. 4 сентября. № 35. С. 60-63.

Источник: [Полит.ру](#)

Source URL: <http://hro.org/node/9287>